

колюбивыя. Сказколюбіе усиливается параллельно съ повышеніемъ народнаго характера.

Человѣкъ, котораго душа обогащена множествомъ впечатлѣній, во время бездѣлья, во время скуки *станетъ мечтать*, а въ обществѣ съ другимъ спанетъ *разговаривать, рассказывать*; человекъ безъ многихъ впечатлѣній и понятій, въ одиночествѣ, необходимо *долженъ заснуть отъ бездумья*. Есть народы, у коихъ почти вовсе нѣтъ сказокъ: рабъ не любитъ сказокъ, его приближице есть сонъ: по чѣмъ не связаниѣ человекъ, шѣмъ онъ болшпливѣе. Впрочемъ я больше подразумеваю здѣсь бодрость душевную, а не внѣшнія отношенія человека; ибо могутъ бытъ и быстрые народы связаны на время, у коихъ однако духъ переживаетъ внѣшнее спѣсненіе. Есть даже такіе народы, коихъ духъ бодрости вѣчно поддерживается мѣснностью: ш. е. есть народы, коихъ болшпливость сама собою и сохраняется.

Въ этомъ отношеніи жипели какъ Европейской Турціи, такъ вообще и всего Востока, совершенно оплнчающія отъ прочихъ Европейскихъ народовъ. Если хопише оцупнишь эту разницу между человѣчествомъ Европы и Азии, по заглянише въ публичныя, общественыя мѣста шой и другой часши свѣта, заглянише на пр. въ *кофейни*: въ Задунайскихъ, въ Азіяпскихъ *одинъ только* говоритъ, въ Европейскихъ *всѣ* говорятъ. Въ эпихъ *шумъ* и *крикъ* и наспоюще Вавилонское столпотвореніе; — въ шѣхъ величайшая *тишина* и *благопристойность*. Съ перваго взгляду покажетъ вамъ, что Европейцы такъ умны, такъ болшпливы, такъ храбры отъ шого, что всѣ кричатъ,